

Д. Гусев

**Тертуллиан, пресвитер
Карфагенский**

**Очерк его литературной
деятельности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Д11

Д11 **Д. Гусев**
Тертуллиан, пресвитер Карфагенский: Очерк его литературной деятельности
/ Д. Гусев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 68 с.

ISBN 978-5-458-56637-7

Апологетические и полемико-догматические сочинения Тертуллиана. Де-
вятый выпуск патологического отдела журнала Православный собеседник
за 1898 год.

ISBN 978-5-458-56637-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

написанныя противъ язычниковъ и іудеевъ; вторую—творенія *догматико-полемическія*, направленные противъ разныхъ современныхъ еретическихъ сектъ, и наконецъ третью—творенія *антропологическія и нравственно-практическія*.

Во главѣ апологетическихъ твореній Тертулліана несомнѣнно нужно поставить его знаменитый „*Apologeticus pro christianis adversus gentes*“.—эту полную и обстоятельную апологію христіанства, обращенную имъ, какъ видно изъ предисловія, къ „представителямъ римской власти“ и вообще къ высшимъ правительственнымъ классамъ римской имперіи. Эта апологія написана имъ около 197 или 198 года.

Мы уже знаемъ, что обвиненія христіанъ со стороны язычниковъ были двоякаго рода: одни—нравственно-религіознаго характера, а другія—чисто свѣтскаго. Съ одной стороны христіанъ преслѣдовали потому, что считали ихъ безбожниками и людьми самыми безнравственными, закалавшими и пожиравшими собственныхъ дѣтей своихъ и предававшими во время тайныхъ своихъ собраній оргіямъ и кровосмѣшенію; и съ другой—ихъ преслѣдовали потому, что они находились внѣ покровительства государственныхъ законовъ: во-первыхъ, какъ послѣдователи новой, закономъ недозволенной религіи; во-вторыхъ, какъ оскорбители величества, отказывавшіеся воздавать римскимъ императорамъ божескія почести, и наконецъ, въ третьихъ, какъ нарушители и возмутители общественнаго спокойствія, подозрѣвавшіеся въ разныхъ противо-государственныхъ замыслахъ. Сообразно съ этимъ и защита христіанства должна была производиться двумя путями и заключать въ себѣ двѣ стороны: нравственно-религіозную и чисто свѣтскую; съ одной стороны нужно было доказать, что христіане—не безбожники и не безнравственные люди, но что, напротивъ, только ихъ религія есть единая истинная и святая религія; а съ другой—нужно было доказать, что и все юридическія

и политическія обвиненія христіанъ несправедливы и ложны въ самомъ своемъ основаніи. Греческіе отцы—апологеты II вѣка: Іустинъ, Афинагоръ, Теофилъ Антиохійскій и др. главнымъ образомъ касались только первой, именно—нравственно религіозной стороны дѣла; все свое вниманіе они обратили только на то, чтобы доказать божественность, нравственную чистоту и святость христіанской вѣры, и чтобы параллельно этому какъ можно рѣзче выставить на видъ ничтожество, ложность и безнравственность языческихъ вѣрованій, и культовъ. Но другой, чисто свѣтской, юридической и политической стороны дѣла греческіе апологеты касались весьма мало, только въ самыхъ общихъ чертахъ. Между тѣмъ, эта сторона дѣла для представителей римской власти была на первомъ планѣ; римскіе государственные люди могли вполне соглашаться съ нравственно-религіозными доводами апологетовъ; доводы эти могли казаться имъ разумными и убѣдительными; они могли повѣрить и убѣдиться, что христіане дѣйствительно не безбожники и не безнравственные люди; но ихъ отношенія къ христіанамъ отъ этого все же не могли измѣниться до тѣхъ поръ, пока они оставались вѣрными своимъ политическимъ и государственнымъ принципамъ. Съ точки зрѣнія римскихъ государственныхъ людей, дѣло христіанъ было не столько нравственно-религіознымъ дѣломъ, сколько именно юридическимъ и политическимъ; противъ христіанской вѣры было само государство, а государство въ древнемъ языческомъ мірѣ было всемогуще не только въ своей собственной, но и въ нравственно-религіозной области. „Ваши разсужденія объ истинности, чистотѣ и святости вашей вѣры,—такъ отвѣчали христіанскимъ апологетамъ римскіе государственные люди,—прекрасны и разумны; но все-таки существованіе вашей вѣры запрещается прямымъ государственнымъ закономъ, объявляющимъ незаконною всякую новую вѣру; все-таки васъ необходимо преслѣдовать, какъ оскорбителей величества и какъ людей, живущихъ отдѣльно отъ насъ,

подозрѣваемыхъ въ разныхъ враждебныхъ замыслахъ противъ насъ“. Такимъ образомъ, послѣ всѣхъ безуспѣшныхъ попытокъ защитить христіанъ почти только однимъ нравственно-религіознымъ путемъ, т. е. путемъ опроверженія обвиненій въ безбожии и безнравственности, — христіанскимъ апологетамъ оставалось еще попытаться перенести дѣло защиты на чисто юридическую и политическую почву; нужно было доказать, что и съ юридической, политической и общественной точекъ зрѣнія язычники несправедливы въ своихъ гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ христіанъ. Эту попытку дѣйствительно и представляетъ Тертуллианъ въ своемъ „*Apologeticus adversus gentes pro christianis*“. Тертуллианъ не ограничивается, подобно своимъ предшественникамъ, опроверженіемъ однихъ только нравственно-религіозныхъ обвиненій, направленныхъ противъ христіанъ; онъ разрушаетъ и всѣ юридическія и политическія основанія религіозной нетерпимости римскаго правительства въ отношеніи къ христіанской вѣрѣ. Этотъ полурелигіозный, полусвѣтскій способъ защиты христіанства и составляетъ особенность Тертуллианова апологетика, отличающую его отъ всѣхъ другихъ апологетическихъ произведеній древности. Мы не станемъ говорить, какъ Тертуллианъ доказываетъ божественность, чистоту и святость христіанской вѣры; въ этомъ отношеніи онъ почти повторяетъ то, что уже высказано было подробно и обстоятельно его предшественниками—греческими христіанскими апологетами II-го вѣка. Мы обратимъ вниманіе только на одну оригинальную сторону его апологетика, именно на то, какъ онъ доказываетъ несправедливость римскаго правительства въ отношеніи къ христіанству съ точекъ зрѣнія—*юридической, политической и общественной*.

Прежде всего Тертуллианъ останавливаетъ свое вниманіе на томъ *государственномъ законѣ*, который объявлялъ христіанскую вѣру религією недозволенною въ имперіи и на который всѣ римскіе правительствен-

ные люди ссылались, какъ на самое главное основаніе своихъ гоненій и преслѣдованій христіанъ. Авторъ апологетика разбираетъ этотъ законъ всесторонне, и подвергаетъ его строжайшей критикѣ. По его мнѣнію, законъ этотъ прежде всего несправедливъ въ *самомъ своемъ принятіи*, въ самомъ своемъ существѣ, — несправедливъ вообще, безотносительно къ той или другой религіи (сар. 24. 28. Ср. Ad Scapul. сар. 2). Онъ основывается, по словамъ Тертулліана, на мнимомъ правѣ государства — вмѣшиваться во внутреннюю, индивидуальную жизнь каждаго человѣка, и регулировать ее точно такъ же, какъ государство регулируетъ внѣшнюю общественную жизнь людей. Но на самомъ дѣлѣ это право не принадлежитъ государству и не можетъ принадлежать, потому что оно противорѣчитъ тому естественному и общечеловѣческому праву, въ силу котораго каждый человѣкъ можетъ располагать и располагаетъ своею внутреннею психическою жизнію, какъ ему угодно. „Принуждать людей какими-нибудь внѣшними репрессивными мѣрами, поклоняться тому богу, которому они не хотятъ поклоняться, значить — по словамъ Тертулліана — оказывать вопіющую несправедливость и производить неслыханное насиліе“. Такой образъ дѣйствій не только несправедливъ, но и въ высшей степени безразсуденъ, и никогда не можетъ достигать своей цѣли. Государство, если бы и захотѣло, никогда не можетъ заключить внутреннюю, психическую жизнь человѣка въ извѣстныя, опредѣленныя рамки, если самъ человѣкъ не хочетъ этого. Всякій религіозный актъ непременно долженъ обуславливаться извѣстнымъ внутреннимъ расположеніемъ, зависящимъ отъ самого человѣка; безъ этого условія всякій религіозный актъ теряетъ весь свой смыслъ, и не приноситъ никакой пользы челоуѣку, и вовсе не можетъ быть угоденъ тому божеству, которому онъ назначается. „Развѣ можетъ кто-нибудь заставить меня, спрашиваетъ Тертулліанъ, приносить жертвы Юпитеру, когда я не хочу, чтобы Юпитеръ мнѣ благопріятствовалъ.

Пусть Янусъ сердится, сколько ему угодно; пусть онѣ обращаетъ ко мнѣ такое лице, какое ему угодно; я не хочу, чтобы онѣ былъ расположенъ ко мнѣ, — и что вамъ за дѣло въ этомъ, лично только меня касающемся случаѣ?“ „Да и сами боги, продолжаетъ Тертуллианъ, которымъ вы заставляете меня поклоняться, развѣ требуютъ себѣ насильственныхъ почестей? Берегитесь, чтобы вашъ образъ дѣйствій не былъ сочтенъ за нѣкоторый родъ безбожія, когда вы не позволите мнѣ поклоняться тому богу, какому я самъ хочу, и станете принуждать меня поклоняться такому богу, какому я вовсе и не хочу поклоняться. Насильственная почести не только противны богу, но и всякому хорошему и благородному человѣку“. Если, такимъ образомъ, означенный законъ вообще несправедливъ, относительно къ той или другой религіи, — несправедливъ самъ по себѣ, какъ законъ, нарушающій внутреннюю индивидуальную свободу человѣка; то онѣ еще болѣе несправедливъ, по словамъ Тертуллиана, въ *приложеніи къ частностямъ къ христіанству* (сар. 4). Онѣ еще имѣлъ бы нѣкоторый смыслъ, если бы христіанство было какимъ-нибудь зловреднымъ ученіемъ, разрушающимъ всѣ основы правильной и нормальной человѣческой жизни, если бы оно дѣйствительно было безбожною и безнравственною сектою, развращающею человѣческую природу. Тогда римское правительство было бы вправѣ не дозволять свободнаго отправленія христіанскаго культа и преслѣдовать христіанъ какими ему угодно насильственными мѣрами, какъ развратителей и злодѣевъ. Но христіанство есть истинная и божественная религія, его ученіе есть чистое и святое ученіе, оно не развращаетъ, а напротивъ нравственно улучшаетъ человѣка, его начала — свѣтлыя и животворныя начала, оно не только не вноситъ ничего злого и разрушительнаго въ жизнь человѣка, но напротивъ есть величайшее благо для людей. „И все это, говоритъ Тертуллианъ, подробно и обстоятельно доказано мною и другими христіанскими писателями“.

Отсюда ясно, что недозволять христіанамъ свободно отправлять ихъ религіозныя обязанности значить совершать ничѣмъ неоправдываемое насиліе и тиранство.

Послѣ этихъ чисто апіорныхъ разсужденій Тертуліанъ доказываетъ несправедливость означеннаго закона, касающагося христіанъ, на основаніи *фактовъ исторіи и жизни*. Онъ приглашаетъ римскихъ правительственныхъ людей обратиться къ ихъ юридическимъ лѣтописямъ и прослѣдить исторію примѣненія этого закона къ христіанамъ, чтобы видѣть, какіе государи примѣняли его и какіе не примѣняли. Всѣ мудрыя, честныя и добрыя государи, пишетъ Тертуліанъ, не примѣняли его къ христіанамъ, если же и примѣняли его, то только государи несправедливыя, безчестныя и злыя, которыхъ осуждаютъ сами язычники, считая, ихъ злодѣями и извергами (сар. 5). Неронъ и Домиціанъ — вотъ кто были первоначальными гонителями христіанъ. „Мы вмѣняемъ себѣ за честь, замѣчаетъ при этомъ Тертуліанъ, что именно Неронъ былъ самымъ первымъ виновникомъ нашего гоненія; потому что то, что могъ осудить Неронъ, безъ сомнѣнія, было величайшее добро“. Но ни одинъ изъ истинно хорошихъ римскихъ государей: ни Адріанъ, ни Веспасіанъ, ни Антонинъ не одобряли означеннаго карательнаго закона въ приложеніи къ христіанамъ, и всячески старались ослабить его силу. Уже это одно, по заявленію Тертуліана, должно убѣдить римское правительство, какъ жестокъ и несправедливъ означенный законъ и какъ необходимо отмѣнить его.

Затѣмъ. Тертуліанъ обращается къ существующей въ римской имперіи *юридической практикѣ* относительно разныхъ языческихъ религіозныхъ культовъ, — къ обще-религіозному праву, которымъ пользуются въ имперіи всѣ религіи, исключая христіанства. Онъ доказываетъ, что римскіе правительственные люди, отнимая у христіанъ свободу совѣсти, на основаніи древняго римскаго закона, запрещающаго введеніе всякой новой религіи въ государствѣ, оказываютъ христіанамъ

несправедливость, потому что на практикѣ этотъ законъ давно уже отмѣненъ, и прилагается къ однимъ только христіанамъ (сар. 24). „У васъ всѣ, даже самые безвравственные культы, — пишетъ Тертуліанъ, — культы чуждыхъ вамъ народовъ пользуются правомъ гражданства. Вы египтянамъ, напр., позволяете вдаваться во всѣ нелѣпости ихъ предразсудковъ, позволяете включать въ число боговъ ихъ всякаго рода животныхъ, позволяете имъ даже предавать смерти всякаго, кто убьетъ одного изъ этихъ боговъ—животныхъ. Каждая провинція, каждый областной городъ имѣютъ у васъ своихъ боговъ. Только у насъ однихъ вы отнимаете свободу совѣсти, одни мы только оскорбляемъ римлянъ; они насъ не признаютъ за римлянъ потому только, что Бога нашего не обожаютъ... Но хотите ли вы или не хотите, — заключаетъ Тертуліанъ, — а христіанскій Богъ есть Богъ всего человѣческаго рода. Вы можете до времени обоготворять все, что вамъ угодно; но Богъ, котораго мы почитаемъ, долженъ быть и будетъ Богомъ всего міра“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Тертуліана, тотъ государственный законъ, который объявлялъ христіанство религіею недозвоненною въ имперіи—во-первыхъ несправедливъ вообще, въ самомъ существѣ своемъ, какъ законъ, нарушающій естественное право каждаго человѣка свободно располагать своею внутреннею жизнью; во-вторыхъ, онъ несправедливъ въ частности въ приложеніи его къ христіанству, какъ единой истинной, святой и божественной религіи; въ третьихъ, противъ него говоритъ самая исторія его примѣненія къ христіанамъ; наконецъ, въ четвертыхъ, онъ несправедливъ и съ точки зрѣнія общаго религіознаго права, которымъ пользуются въ римской имперіи всѣ вообще религіозные культы. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній Тертуліанъ и требуетъ отъ римскаго правительства отмѣненія этого несправедливаго и жестокаго закона.

Римскій государственный законъ, запрещавшій подъ страхомъ смерти или изгнанія введеніе всякаго новаго религіознаго культа, кромѣ отечественнаго— національнаго, и на практикѣ уже отмѣненный въ отношеніи къ чисто языческимъ культамъ,—прилагался къ однимъ христіанамъ главнымъ образомъ потому, что надъ христіанами тяготѣли многія обвиненія не только нравственно-религіознаго, но также *политическаго и общественнаго* характера. Самое важное и тяжелое изъ этихъ обвиненій, котораго одного было достаточно, чтобы осуждать христіанъ на смерть, было обвиненіе въ *оскорбленіи величества*. Поводомъ къ этому обвиненію служилъ отказъ христіанъ клясться геніемъ или счастьемъ римскихъ императоровъ, приносить жертвы и вообще воздавать имъ божескія почести по примѣру язычниковъ. Чтобы объяснить, какимъ образомъ неисполненіе этихъ, повидимому, чисто религіозныхъ обязанностей могло навлечь на христіанъ обвиненіе въ оскорбленіи величества, нужно обратить вниманіе, какъ вообще на складъ всей римской политической системы, такъ въ частности, на то значеніе, какое занимала въ этой системѣ личность римскаго императора.

Личность верховнаго правителя вообще у всѣхъ народовъ считается священной и неприкосновенною, а потому вполне естественно, что оскорбленіе ея наказывается строжайшимъ образомъ. Такъ какъ государь служитъ представителемъ всего управляемаго имъ народа, то поэтому и оскорбленіе его во всѣхъ законодательствахъ трактуется не только какъ оскорбленіе какой-нибудь частной, отдѣльной личности, но какъ оскорбленіе дѣлаго народа, цѣлыхъ милліоновъ личностей. Но нигдѣ, ни въ государствахъ древняго, ни въ государствахъ новаго міра, верховная политическая власть не стояла такъ высоко, и оскорбленіе ея не наказывалось такъ строго, какъ въ римскомъ государствѣ, въ особенности со временъ императоровъ. Это потому, что въ Римѣ государственные интересы стояли выше всѣхъ остальныхъ интересовъ не только свѣт-

скихъ, но и религіозныхъ; государство поглощало въ себѣ все, и религію, и семейство, и права личности и свободу совѣсти. Служеніе государству было для каждаго римлянина священнымъ, религіознымъ служеніемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова,—гораздо высшимъ, чѣмъ служеніе какому-нибудь богу. Какъ для грека самымъ высшимъ божествомъ была природа и въ особенности человѣкъ, какъ самое лучшее выраженіе и проявленіе природы; такъ для римлянина высшимъ божествомъ было его отечество и государство—Римъ. Боги въ собственномъ смыслѣ этого слова были для римлянина только второстепенными, подчиненными божествами, которыми высшее божество—государство могло распоряжаться, какъ ему угодно; оно могло предписывать имъ божескія почести, но въ то же время могло и низводить ихъ со степени божествъ на степень обыкновенныхъ смертныхъ существъ. Самъ Юпитеръ Олимпійскій былъ ничто въ сравненіи съ государствомъ, и императоръ Калигулла былъ отчасти правъ съ точки зрѣнія римской политической системы, когда угрожалъ ему разжаловать его изъ римскихъ боговъ и снова отослать его въ Грецію, если онъ будетъ глухъ къ молитвамъ римлянъ. Во времена республики этотъ взглядъ на государство, какъ на самое высшее божество, которому долженъ поклоняться каждаго римлянинъ предпочтительно предъ всѣми другими божествами, не воплощался еще въ чемъ-либо определенномъ и не имѣлъ еще своего вещественнаго представителя; но со временъ имперіи онъ нашелъ себѣ воплощеніе въ лицѣ римскаго императора. Всѣ божескія права государства сосредоточились теперь въ одномъ лицѣ, лицѣ римскаго цезаря. Какъ прежде самымъ высшимъ божествомъ для каждаго римлянина было вообще государство, такъ теперь этимъ божествомъ сталъ для него въ частности императоръ римскій. Начиная съ Августа, всѣ языческія римскіе императоры имѣли свои храмы, своихъ жрецовъ и вообще каждый имѣлъ свой особенный религіозный культъ. И

это не было только ихъ личною прихотью, но естественно вытекало изъ всей вообще политической системы Рима. Большинство императоровъ дѣлались богами уже послѣ своей смерти, по опредѣленію сената; но нѣкоторые чествовались, какъ боги, и во время своей жизни. Такъ, по свидѣтельству Светонія и Діона Кассія, въ царствованіе императора Домиціана всѣ официальные акты начинались обыкновенно слѣдующей формулой: „Dominus ac Deus noster haec fieri jubet“,—и никто не имѣлъ права ни писать, ни говорить съ императоромъ, не назвавши его предварительно именемъ „Dominus ac Deus“.

Такимъ образомъ, по римской политической системѣ особа императора считалась не только священной и неприкосновенною, какъ у другихъ народовъ, но и божественною,—такою, которой каждый гражданинъ обязанъ оказывать не только человѣческія, но и божескія почести. Значить, христіане, не воздававшіе императорамъ божескихъ почестей, неприносившіе имъ жертвъ и не клявшіеся ихъ геніемъ, съ точки зрѣнія римскихъ язычниковъ, дѣйствительно казались виновными въ оскорбленіи величества, и подлежали за это смертной казни.

Но съ христіанской точки зрѣнія здѣсь не было никакого преступленія; напротивъ, свой отказъ воздавать императорамъ божескія почести, въ виду угрожающихъ пытокъ и смерти, христіане ставили себѣ даже въ нравственную заслугу. Разница была, такимъ образомъ, только въ различныхъ точкахъ зрѣнія на предметъ и проистекала отъ неодинаковаго взгляда на особу императора. Язычники считали императора богомъ, и поэтому на отказъ христіанъ воздавать ему божескія почести смотрѣли, какъ на оскорбленіе величества; христіане считали его только человѣкомъ, и вслѣдствіе этого не видѣли здѣсь никакого преступленія. Такимъ образомъ, чтобы устранить отъ христіанъ обвиненіе въ оскорбленіи величества, христіанскому апологету нужно было прежде всего показать различіе